

УДК: 81'367

Мафкуева С.Ш.

ИГУ им. К.Тыныстанова

ТЕМА НАРОДА И ВЛАСТИ В ЛИРИКЕ А.С.ПУШКИНА

В статье рассматриваются лицейский и после лицейский периоды творчества Пушкина, определившие гражданскую направленность его поэзии.

Тема народа и власти, восстания, бунта начинает формироваться в лирике Пушкина еще в лицейские годы. Уже в это время появляются первые гражданские стихотворения поэта, овеянные как событиями 1812 года, так и идеями писателей и философов-просветителей XVIII века. Предвосхищением гражданской лирики Пушкина стало послание «Лицинию» (1815).

О Ромулов народ! Перед кем ты пал во прах?

Перед кем почувствовал в душе столь низкий страх?

Античная патетика носит в стихотворении аллегорический характер, позволяющий поэту обратиться к современной ему действительности. Но основное содержание стихотворения не прямой политический протест, а утверждение личной свободы, независимости от тех принудительных понятий и традиций «света» дворянско-бюрократического круга, которым молодой Пушкин противопоставляет свободу человека, отрицающего «блага» и устой этого общества.

В послелицейском творчестве резко сокращаются, а затем исчезают античные мотивы и античная символика. В поэзии античные образы возникают или в их непосредственности (а не условности) или в системе политических иносказаний и намеков на современность (большой частью вынужденных цензурным условиям). – «Ода его сиятельству графу Дмитрию Хвостову (1825), которая является злой и остроумной пародией на поэтов-современников.

Ода «Вольность» начинается отречением от того пути, по какому развивалась его лирика в лицейские годы. «Именно в «Вольности» Пушкин обретает тот мужественный голос, который поднимает в защиту политической свободы и гражданских прав». Он обращается с обличением не к вельможам, как это делал Державин, а подобно Радищеву непосредственно к верховной власти. Уже в первой строфе оды «Вольность» Пушкин отрывается от элегической лирики и избирает путь лирики гражданской.

Задача поэта

На тронах поразить порок.

В этом Пушкин совпадает с Радищевым, которой в первой строфе своей «Вольности» пишет:

О, Вольность, вольность, дар бесценный!

Седяй во власти, да смятутся

От гласа твоего цари.

Во второй строфе Пушкин обращается к поэту революционной Франции, желая идти по его стопам.

Открой мне благородный след

Того возвышенного галла,

Кому сама средь славных бед

Ты гимны смелые внушала.

Самым существенным здесь является то, что Пушкин осмысливает свою оду как революционную, а свой поэтический путь, как «благородный след», поприще «Смелых гимнов» революции.

Анализируя политическую доктрину «Вольности», Б. В. Томашевский замечает, что уже с третьей строфы Пушкин начинает излагать основы своей политической доктрины. Первые два стиха говорят о союзе двух форм угнетения: политического и духовного, исходящего от правительства и реакционной церкви.

Характерной чертой «Вольности» является вера в закон. Общественное бедствие Пушкин усматривает не в том, что закон создает невыносимое положение в общественных отношениях, а в невыполнении закона. Тиранию создает

Законов гибельный позор,

то есть зрелище (закон) падения законности, картины беззакония. Проблема сочетания вольности и законности рассматривается Пушкиным, как проблема равенства всех перед законом. Нарушение вольности видели в нарушении закона. В понимании незыблемости закона Пушкин в «Вольности» расходился с представителями подлинно революционной мысли.

В «Вольности» закон выступает в облике положительного законодательства. Тезис что закон выше народа и царей, подтверждается дальнейшими стихами «Вольности». Царь и народ поставлены в оде в одинаковые условия. Они оба подчиняются вечному закону. Дальше Пушкин вступает в полемику с Радищевым, который также поднимает вопрос о праве народа судить и казнить короля.

Радищев впервые в художественном произведении с последовательностью и полнотой обосновывает идею правомерности народной революции. К этой идее Радищев пришел в результате осмысления многовекового опыта борьбы народа за освобождение от ига тиранов. Напоминая о Ю.Бруте, В.Телле, О.Кромвеле и о казни Карла I живо соотносятся со строфами оды, где речь идет уже о современных писателю событиях: прежде всего о победе Американской республики, отстоявшей свою независимость в войне с Англией. Эскурсы и параллели, проводимые Радищевым, обнаруживают определенные исторические закономерности, помогающие оценить конкретную ситуацию в крепостнической России конца XVIII века.

Перед читателем «Вольности» предстает картина, поэтически обобщенная и вместе с тем точно характеризующая расстановку политических сил:

Возрим мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства.
Градские власти там все мирны,
В царе зря образ божества,
Власть царска веру охраняет
Власть царску веру утверждает;
Союзно общество гнетут.

Рабство держится, как показывает Радищев, не только на насилии, но и на обмане: церковь «заставляющая бояться истины» и оправдывающая тиранию, не менее страшна, чем сама тирания. «Раб, воспевающий вольность», сбрасывает с себя этот гнет и перестает быть рабом, превращаясь в грозного мстителя, прорицателя грядущей революции. Он приветствует народное восстание, суд над царем-тираном и его казнь».¹

Пушкин решает эту проблему в противоположном смысле. Если власть царя не зависит от воли народа, то народ не имеет право судить царя. Пушкин этим тезисом тоже опирается на исторические факты. Так казнь Людовика XVI повлекла за собой приход к власти Наполеона. А это, по мнению поэта, роковое возмездие истории за казнь короля: преступление народа приводит к политическому рабству. Народ, переступивший закон, становится сам жертвой жесточайшего тирана Наполеона.

Заключительные строки «Вольности» определяют право народа на свободу, если закон будет носить конституционный характер, ограничивающий власть царя. Пушкин не

призывает народ к восстанию. Стих «Восстаньте падшие рабы!» употреблен в значении «встаньте, воспряньте, воскресните». Духовная свобода, воскресение души едва ли не являются главными в другом стихотворении Пушкина этого периода «Деревня». Здесь созданы два идиллических мира: идиллия довольства и труда и идиллия духовная:

Я здесь, от суетных оков освобожден,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободою душой закон боготворить...

Свободный человек, та норма человеческой жизни, с позиций и во имя, которой произносятся приговоры:

Роптанье не внимать толпы непросвещенной
Участьем отвечать застенчивой мольбой
И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца – в величии неправом

Стихотворения «Вольность», «Деревня» обозначили переход эпикурейской лирики лицейского периода, к гражданской поэзии Пушкин смело обличает главное зло тогдашней действительности – крепостное право, «барство дикое», присвоившее себе «насильственной лозой и труд, и собственность, и время земледельца». Если в «Вольности» поэт осуждает порабощение народа крепостниками, то в «Деревне» он выражает надежду, что «рабство» может пасть «по мнению царя». Как и просветители, Пушкин верил, что «просвещенный монарх» - единственная реальная сила, способная преобразовать общественные и правовые отношения.

Увижу ль, о друзья! Народ не угнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

В стихотворениях «Вольность», «Деревня» впервые в творчестве Пушкина входит тема народа, его судеб.

«Свобода», «вольность», «законы», «народы», «отечество» - с одной стороны, и «рабство», «тираны», «самовластье» - с другой стали символами стиля гражданского романтизма, навсегда вошедшие в лексический строй русской революционной поэзии. Общественное и художественное значение политической лирики определяется не столько ее политическими идеями, довольно умеренными, либерально-конституционными, а эмоциональной экспрессией и смысловой емкостью их поэтического выражения, сохранившими свою актуальность для всех поколений русских революционеров:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоем челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Литература.

1. Благой Д. Душа в заветной лире. – М., 1989. –С.103.
2. Виноградов В. Стиль Пушкина. –М., 1981. -С. 107.
3. Макогоненко Г. Радищев и его время. -М., 1993. -С. 384